

И. А. БЕЛЯВСКАЯ

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ: ЭКСПАНСИЯ И РЕФОРМА

Американские историки много писали и пишут о Теодоре Рузвельте, 26-м президенте США, и о его времени, но мнения их зачастую расходятся. Рузвельт — «взрыватель трестов», публично потрясавший кулаком перед носом всемогущего старого Моргана, и Рузвельт, славословивший «капитанов индустрии». Рузвельт, не однажды говоривший о необходимости улучшения условий труда женщин и детей, и Рузвельт, энергично противостоявший борьбе трудящихся с предпринимателями, ненавидевший социалистов, заклеймивший Ю. Дебса, Э. Синклера, Д. Лондона и готовый подписать смертный приговор рабочему вождю У. Хэйвуду. Рузвельт, пошедший на раскол с республиканцами и провозгласивший прогрессистскую платформу, и Рузвельт, предавший прогрессивное движение. Кто же был этот человек? Реформатор или деятель консервативных взглядов? На этот вопрос американская буржуазная историография не дает однозначного ответа. Большинство причисляет его к прогрессистам, как это делает, например, Дж. Маури, автор нескольких исследований по истории США начала XX в.¹ Более осторожен в оценках Дж. Блам, признающий элементы консерватизма в политическом курсе Рузвельта и ссылающийся при этом на либеральных историков — В. Л. Паррингтона, Г. Ф. Прингла, А. Шлезингера-младшего, которые считают его консерватором².

Наиболее явственно консервативные, агрессивно-реакционные взгляды Т. Рузвельта выявляются в его внешнеполитических действиях. В этой области он проявил себя ярким экспансионистом, националистом и джингоистом (ура-патриотом). Несмотря на это, многие видные американские историки или умалчивают о компрометирующих Теодора Рузвельта фактах, или пытаются изобразить его «реальным политиком», стремившимся только к укреплению позиций своего государства и якобы не питавшим агрессивных замыслов по отношению к другим, особенно слабым, странам. Известный специалист по международным отношениям С. Ф. Бемис, стоящий на правом фланге американской историографии, открыто защищает Рузвельта от обвинений в империализме и утверждает, вопреки всем фактам, что его политика «большой дубинки» вытекала из благих намерений. Он даже называет американскую интервенцию на Кубу «благожелательной», имевшей единственной целью «предотвращение неамериканской интервенции»³. Другой историк внешней политики США — Дж. Латане видит в действиях Рузвельта в Латинской Америке только положительные моменты⁴. А Э. Мэй, игнорируя подлинные события, уверяет, что «экспансия нации (американской. — И. Б.) как колониальной державы действительно закончилась в 1899 или 1900 г.»⁵, т. е. с приходом Т. Рузвельта в Белый дом.

¹ G. E. Mowry. Theodore Roosevelt and the Progressive Movement. Madison, 1946; его же. The Era of Theodore Roosevelt, 1900—1912. New York, 1958.

² J. M. Blum. The Republican Roosevelt. New York, 1962, p. 5.

³ S. F. Bemis. The Latin American Policy of the United States. New York, 1967, p. 157.

⁴ J. H. Latané, D. W. Wainhouse. The Latin American Policy of the United States, New York, 1943.

⁵ E. R. May. American Imperialism. New York, 1968, p. 14.

К 50-летию со дня смерти Рузвельта (он умер в 1919 г.) американская историография пополнилась новыми изданиями его произведений, переписки, сочинений его современников⁶, а также новыми апологетическими монографиями о нем. К последним относится книга Г. К. Била, в которой воздаются почести Рузвельту как политическому и государственному деятелю, преследовавшему общенациональные интересы. С таких же позиций написана и биография Рузвельта историком У. Г. Харбау, назвавшим президента «практическим идеалистом», объединившим, как ему представляется, в одно целое «новый детерминизм и старый индивидуализм», а также «первым великим президентом-реформатором новой промышленной эры»⁷.

Более критично к «президенту-реформатору» относятся историки «нового левого» направления. Так, например, Г. Колко в книге, посвященной времени Т. Рузвельта, сообщает фактический материал о подчинении проводимой им политики крупному бизнесу⁸.

Таким образом, интерес к Т. Рузвельту и его времени, когда США заявили о своих претензиях на ведущую роль в мировой политике, до сих пор не иссяк. Легенда о ковбое, полковнике, «взрывателе трестов» заслоняет факты о враге рабочих, преследователе макрейкеров (прогрессивных журналистов, разоблачавших закулисную сторону возникновения крупных состояний в США), империалисте и откровенном джинго, президенте, открыто провозгласившем притязания американского империализма на самую широкую империалистическую экспансию.

ГОДЫ ИСКАНИИ

Рузвельты принадлежали к высшему кругу американской буржуазии. Теодор Рузвельт-старший, отец будущего президента, имел торговую фирму в Нью-Йорке, занимался благотворительностью, много времени уделял детям, которых у него было четверо — две девочки и два мальчика. Тедди, будущий президент (род. в 1858 г.), рос слабым мальчиком, окруженным вниманием близких, и до поступления в Гарвард из-за плохого здоровья (он страдал астмой) учился дома. Болезнь омрачила его детство, но, может быть, она же и способствовала воспитанию характера. Тедди занимался гимнастикой, верховой ездой, охотой, позднее боксом. Ему удалось победить болезнь. Хотя Рузвельт и не стал первоклассным наездником и стрелком, он всю жизнь любил охоту и лошадей.

Осенью 1876 г. Теодор поступил в Гарвардский колледж, аристократическое учебное заведение. Он не был в числе первых, но товарищи признавали его компетентность во многих вопросах.

На старших курсах колледжа он встретил девушку Элис Хэйсуэй Ли. Помолвка была объявлена в начале 1880 г., но свадьбу отложили до осени. Рузвельту предстояло летом закончить колледж и избрать профессию.

Состояние, полученное после смерти отца в 1878 г., давало возможность выбора, но чем занять себя на первых порах он не знал. Для бизнеса ему не хватало предпринимательской жилки, интерес к естественным наукам оказался не столь силен, чтобы посвящать им жизнь. Для начала Теодор решил заняться юриспруденцией в адвокатской конторе своего дяди и посещать лекции в Колумбийском университете. Но в мае 1881 г. Рузвельт бросил занятия и уехал с женой путешествовать в Европу. Вернувшись в Америку ранней осенью, он вступил в республиканский окружной клуб 21-го избирательного округа в Нью-Йорке. Вскоре местный партийный босс, некто Джо Мюррей, обратил внимание на молодого человека и предложил ему баллотироваться в легислатуру штата (нужен был малоизвестный кандидат), и в ноябре 1881 г. Рузвельт стал членом законодательного собрания штата Нью-Йорк. Таким образом, его «вторже-

⁶ J. A. R ü s. Theodore Roosevelt. New York, 1904 (1st. ed.), 1954; H. A d a m s. Education of Henry Adams. New York, 1918 (1st ed.), Boston, 1942, 1961; W. L i p m a n n. Drift and Mastery. New York, 1913 (1st ed.). Englewood Cliffs (N. J.), 1961.

⁷ H. K. B e a l e. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. New York, 1956; W. H. H a r b a u g h. The Life and Times of Theodore Roosevelt. New York, 1963, p. 492.

⁸ G. K o l k o. The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900—1914. New York, 1963.

ние в политику» в возрасте 23 лет произошло наполовину случайно. Но он сумел воспользоваться этим. Желание молодого человека сделать политику профессией шокировало близких родственников и многих его друзей. Рузвельты кичились происхождением от первых переселенцев из Европы и взирали свысока на новых миллионеров типа Рокфеллера, Моргана, Гульда, состояния которых сколачивались после Гражданской войны. В их кругу на политику смотрели, как на грязную профессию, занятие которой могло запятнать имя джентльмена из хорошей семьи. Однако Рузвельт думал иначе: «Люди разделяются на тех, кто правит, и на тех, кем управляют,— заявил он как-то в ответ на наставления дядюшек.— Я хочу принадлежать к правящему классу»⁹. Так в самом начале карьеры молодой Рузвельт сформулировал цель своей жизни.

80-е годы XIX в., на которые приходится начало политической деятельности Рузвельта, ознаменовались подъемом массового рабочего движения в США, ростом классового самосознания американского пролетариата, его стремлением к организованным действиям. Рузвельт, ставший одним из ведущих республиканцев в законодательном органе штата, оказался в первых рядах противников рабочего законодательства в штате Нью-Йорк. Он принципиально выступал против всех биллей, за которыми стояли рабочие союзы. Рузвельт относил себя к сторонникам невмешательства государства в дела предпринимателей и уже в те годы заявлял, что не пытается уверять, будто принимает близко к сердцу интересы рабочих¹⁰. Вместе с тем он демагогически клялся, что готов поддерживать благоразумные улучшения в законодательстве. И его имя, несмотря на открытую оппозицию социальному законодательству, стали связывать с движением за реформы.

Три года, проведенные в Олбани (главный город штата Нью-Йорк), оказались для Рузвельта хорошей школой в «практической политике». Обстановка постоянных закулисных сделок, давление на депутатов со стороны лоббистов и партийной машины стали для него обычным делом.

В 1882 г. Рузвельт опубликовал свое первое исследование по истории: «Морская война 1812 г. между США и Англией», в котором высказал соображения о необходимости для США иметь сильный флот. Летом во время парламентских каникул он изучал право. Занятия юриспруденцией перемежались с длительными поездками на охоту на Запад. Он приобрел два скотоводческих ранчо на Западе (в Дакоте) и участок в Ойстер-Бэе, близ Нью-Йорка, для загородного дома. Жизнь представлялась Рузвельту прекрасной и полной смысла. Но в начале 1884 г. он в один день потерял мать, умершую от тифа, и жену, скончавшуюся от родов. Этот двойной удар потряс Рузвельта, но не сломил.

Осенью 1884 г. в числе трех других депутатов молодой политик получил от партийной организации штата мандат на национальный съезд республиканской партии в Чикаго, который выдвигал кандидата в президенты.

Вечные времени сказывались и на «великой старой партии», как величали себя республиканцы. Среди рядовых членов партии было много недовольных засильем партийной машины. 25-летний Рузвельт возглавил фракцию «независимых» республиканцев, пытавшуюся провалить на съезде Блэйна, ставленника республиканских боссов во главе с Т. Платтом. Однако «независимые» потерпели поражение. Тогда такие люди, как Кэртис, Шурц, Бичер, отказались голосовать за Блэйна и собирались примкнуть на выборах к демократам¹¹. От Рузвельта ожидали того же.

Поведение молодого лидера «независимых» смутило и разочаровало многих. После громких выступлений против Блэйна и решительных заявлений о том, что он «не останется на общественной сцене, если не сможет поступать по своему усмотрению»¹², Рузвельт отказался определить свою позицию и уехал в Дакоту поохотиться и обдумать обстановку. Взвесив возможные последствия отказа от выполнения решений национального съезда партии, отказа, который мог бы самым серьезным образом помешать его политической карьере, Рузвельт понял, что «независимость была слишком

⁹ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt. New York, 1931, p. 57.

¹⁰ H. L. Hürvitz. Theodore Roosevelt and Labor in New York State, 1880—1900. New York — London, 1943, p. 94.

¹¹ W. H. Harbaugh. Op. cit., p. 46.

¹² Ibid., p. 44.

дорогим удовольствием»¹³. Он вернулся в Нью-Йорк, чтобы принять участие в избирательной кампании в пользу Блэйна. Это вероломство было вызвано не столько «верностью партии», сколько желанием продемонстрировать свой отход от оппозиции партийной машине на съезде. Несмотря на раскаяние Рузвельта, боссы не простили ему выступления против Блэйна и после выборов его оставили за бортом. Он снова уехал на Запад, где провел два года.

Территория Дакоты в те годы представляла собой необжитую прерию. Большую часть дня Рузвельт проводил в седле, закалил здоровье и изжил остатки астмы. Он продолжал заниматься литературным трудом, публиковал статьи в журналах о своем опыте законодателя, написал две книги о жизни в Дакоте, о приключениях на охоте, что немало способствовало распространению в будущем легенды о ковбойских подвигах президента Рузвельта. По первому зову Платта, который в 1886 г. согласился на выдвижение его кандидатуры в мэры Нью-Йорка, Рузвельт помчался на Восток. На выборах он потерпел фиаско, но зато помирился с боссами. Его положение в партии укрепилось¹⁴. С этой утешительной для него мыслью Рузвельт отплыл в Европу, где должна была состояться свадьба с Эдит Кэроу, его будущей второй женой, подругой его детских и юношеских лет.

Вернувшись из Европы в Америку в 1887 г., Рузвельт обосновался в своем новом доме в Ойстер-Бэе. Эдит Кэроу обладала сильным характером, была образованна и умна и не идеализировала своего мужа. Пожалуй, только она умела остановить его резким или ироническим словом. А с годами и с возвышением Рузвельт все больше любил слушать только себя.

Сагамор-хилл (так на индейский манер называлась его усадьба под Нью-Йорком) стал постоянной резиденцией Рузвельтов. Кроме Элис, дочери от первого брака, появилось еще пятеро детей: четыре сына и дочь. Теодор Рузвельт был внимательным отцом, стремившимся воспитать в детях то, что сам ценил больше всего: дух буржуазного индивидуализма, приверженность американским институтам, национализм, а также такие качества, как личная смелость, инициативность, физическая выносливость.

Материальные дела Рузвельта в эти годы пошатнулись. К бизнесу не было способностей. Эксперимент со скотоводческим ранчо закончился крахом. В жестокую зиму 1886/87 года погибла большая часть скота. Рузвельт вступил компаньоном в издательскую фирму и много писал, надеясь литературным заработком поправить положение. За три года он опубликовал пять книг, из которых две являются исследованиями по истории: биография сенатора-южанина Томаса Харта Бентона, сподвижника, а потом врага президента Джексона, и «Завоевание Запада» (вышли первые две части). В последней книге, посвященной истории продвижения на Запад белых поселенцев, Рузвельт показал себя последователем социального дарвинизма, оправдывая истребление индейцев «законом выживания наиболее приспособленных», к которым он относил англо-американцев.

Занятия историей, журналистика, семья, охота, периодические стычки на политические темы с издателем еженедельника «Nation» Годкиным, не простившим молодому лидеру «независимых» его предательства в 1884 г., — все это не могло поглотить энергии Рузвельта, жаждавшего вернуться на политическое поприще. Его друзья, особенно Генри К. Лодж, подогревали в нем стремление к политической деятельности. Перемена в жизни пришла в 1889 г. после того, как к власти вернулись республиканцы.

К этому времени Лодж уже был членом палаты представителей и начал усиленно продвигать Рузвельта на государственную службу. Уступая его настояниям, президент Гаррисон предложил Рузвельту место члена Комиссии по гражданской службе.

Закон Пендельтона был первым ударом по утвердившейся системе распределения государственных должностей среди членов правящей партии. В американской практике эта система, называвшаяся «спойлс систем», имела в обеих партиях своих сторонников и противников. Последние называли себя «реформаторами». К ним примыкал и Рузвельт, несмотря на свое желание сохранять лояльность партийной машине.

Шесть лет активной деятельности за реформу (он ушел из комиссии лишь в 1895 г.) вернули Рузвельту доверие многих «независимых» и прогрессивно настроенных полити-

¹³ J. M. Blum. Op. cit., p. 11.

¹⁴ «The Letters of Theodore Roosevelt», 3 vols Cambridge (Mass.), 1951, vol. I, p. 113.

ческих и общественных деятелей, например Карла Шурца. Однако руководство республиканцев ему не доверяло. Последнее было весьма неприятно Рузвельту, давно понявшему, что без партийной машины ему не обойтись. Поэтому он активно участвовал в президентской кампании 1892 г., выступая в пользу вторичного избрания Гаррисона, которого сам называл «маленьким серым человечком в Белом доме»¹⁵. Рузвельт изо всех сил старался быть «правильным» республиканцем и, едва оступив после схваток, в которые его втягивали не столько убеждения, сколько вспыльчивый нрав, упрямство и стремление всюду играть первую роль, снова пытался налаживать взаимоотношения с партийным аппаратом республиканцев. Так с ним случалось всю жизнь.

В 1895 г., получив приглашение от У. Л. Стронга, только что избранного мэром Нью-Йорка, Т. Рузвельт возглавил нью-йоркскую полицию. Этот эпизод в его жизни заслуживает внимания: и не из-за полуромантических походов по ночному Нью-Йорку с револьвером в кармане во главе полицейского патруля (было и это), но главным образом из-за того, что в этой роли Рузвельту не один раз приходилось сталкиваться с рабочим классом. Враждебное отношение к забастовщикам, которое Рузвельт выработал в молодости, оставалось неизменным в течение долгих лет.

Рабочий класс никогда не вызывал симпатий у будущего президента. Он говорил, что хочет быть «справедливым». Однако это стремление было ярко окрашено классовым чувством вражды и даже ненависти к тому, что несло с собой рабочее движение для буржуазной Америки. 80—90-е годы — время окончательного формирования политического мировоззрения Т. Рузвельта — были отмечены острыми классовыми столкновениями. В 80-е годы рабочие США вышли на дорогу массовой борьбы. С конца 80-х годов начался подъем фермерского движения, приведшего к возникновению популистской партии. Раздробленность, в которой находилось социалистическое движение в это время, конечно, вредила делу пролетариата, но тем не менее социалистические идеи получили распространение. В эти же годы усилились и либеральные течения, выражавшие протест против гнета монополий, что привело к возникновению буржуазно-реформаторского направления в противовес укоренившемуся с давних пор классическому буржуазному индивидуализму. Для мыслящего человека, каким был Рузвельт, эти процессы не могли быть незамеченными. Он много читал, рецензировал в журналах труды социологов и историков, писал, ездил по стране, сталкивался с различной аудиторией, перед которой выступал с агитационными речами. Его юношеская приверженность принципу классического капитализма *laissez faire* постепенно ослаблялась под влиянием новых веяний. Он все больше стал склоняться к мысли о необходимости социально-политических реформ, которые бы очистили страну от подкупа и продажности и укрепили бы тем самым социально-экономическую основу США. Рузвельт отказывался признать наличие классовых конфликтов в американском обществе и объявил себя поборником моральных, а не классовых принципов. Он признавал социальную эволюцию, считая ее выражением прогресса, носителями которого были как отдельные личности, так и группы людей, нации. Здесь он отдавал пальму первенства англо-американцам, как, по его мнению, более сильным и культурным, способным стать «двигателем прогресса». Рабочему человеку в этой схеме отводилось последнее место. Теоретически Рузвельт соглашался, что неимущие члены общества заслуживают лучших условий. Однако в повседневной практике у Рузвельта не было других слов для рабочих, как «анархисты», «бунтовщики», «толпа». После чикагских событий 1886 г. в частном письме он признавался, что хотел бы сам со своими ковбоями стрелять в «бунтовщиков»¹⁶.

«New York Evening Post» цитировала в декабре 1895 г. Рузвельта: «Мы будем ревниво охранять права забастовщиков, так же как и права предпринимателя. Но положение меняется, если налицо угроза бунта. Чернь рискует. Порядок будет восстановлен любой ценой. Если придется стрелять, мы будем стрелять... Никаких холостых патронов или стрельбы поверх голов»¹⁷. Так воинственно был настроен новый полицейский комиссар с репутацией реформатора. Он же настаивал на сохранении в полицейском вооружении дубинки, особенно для ночных патрулей.

Приглашая Рузвельта в полицейский департамент, мэр Стронг объявил, что начинает борьбу за очищение Нью-Йорка от коррупции, насаждаемой партийной маши-

¹⁵ W. H. H a r b a u g h. Op. cit., p. 81—82.

¹⁶ Ibid., p. 70.

¹⁷ Цит. по кн.: Н. Л. Н ü r v i t z. Op. cit., p. 146, 160.

ной демократов. Но настоящим гнездом коррупции, как оказалось, был ~~полиция~~ департамент. Рузвельт рьяно взялся за «очищение» полиции и внедрение в жизнь законов, особенно закона, по которому салуны (бары и игорные дома) должны были быть закрытыми в воскресные дни.

С помощью мэра Рузвельту удалось сместить часть полицейских офицеров, заставить слушаться других и навести ужас на рядовых полицейских, получавших хорошую мзду от хозяев салунов. Но в конце концов его двухлетние усилия реформировать муниципалитет ни к чему не привели. «Реформа была бита», — так оценил журналист Стеффенс результаты проведенной Стронгом и Рузвельтом работы ¹⁸.

Последние два-три месяца службы в нью-йоркской полиции Рузвельт уже мечтал о получении места в Вашингтоне. Избрание в конце 1896 г. президентом республиканца Маккинли, которого Рузвельт активно поддерживал перед выборами, открывало в этом плане кое-какие перспективы. Главным ходатаем за Рузвельта был опять Генри К. Лодж, в это время уже сенатор, сумевший заручиться согласием министра военноморского флота Лонга на назначение Рузвельта его помощником ¹⁹. Однако за два года службы в полиции Тедди восстановил многих против себя. Вполне обоснованное старание Рузвельта искоренить коррупцию и внедрить в практику назначения на государственную службу согласно закону о гражданской службе бесило Т. Платта. Владелец салунов и нью-йоркские предприниматели не могли простить Рузвельту вмешательства в их дела. Рабочие относились к нему с недоверием, зная его взгляды на забастовки. Тем не менее в мелкобуржуазных кругах Нью-Йорка и среди прогрессивно настроенной интеллигенции — журналистов, писателей, адвокатов — известность Рузвельта как «реформатора» укрепилась. Сам же Рузвельт понимал, что, сколько бы он ни выступал против установившейся «системы», ему многое придется принять, если он хочет продвигаться дальше по государственной службе. И первое, что ему пришлось сделать, — это смирить свою гордость и просить двух представителей республиканского аппарата замолвить за него слово перед Платтом ²⁰. Только после этого, в середине апреля 1897 г., Рузвельт приступил к своим новым обязанностям в министерстве флота.

НА ПУТИ В БЕЛЫЙ ДОМ

Пост, который Рузвельт занял в Вашингтоне, был скромным, но обстоятельства, сложившиеся в то время, и его собственные усилия привели к тому, что ему удалось сыграть роль, может быть, большую, чем он сам рассчитывал.

В 1897 г. страну охватила националистическая истерия. Желтая пресса — многочисленные газеты и журналы Херста и Пулитцера — требовали от правительства объявления войны Испании, якобы с целью помощи кубинцам в их борьбе против испанского колониального гнета. В 90-х годах адмирал А. Т. Мэхэн опубликовал несколько книг и статей, в которых стремился обосновать необходимость для США иметь мощный военный флот; только превращение США в великую морскую державу, подчеркивал Мэхэн, может укрепить престиж страны и распространить ее влияние во всем мире. Его взгляды разделялись группой политиков, публицистов и ученых, таких, как сенаторы Лодж и Беверидж, историки Г. и Б. Адамсы, государственный секретарь Д. Хэй, издатели У. Рэйд и О. Шоу и, наконец, Т. Рузвельт.

Лодж, Рузвельт, Б. Адамс, Шоу доказывали неизбежность для Америки экономической экспансии и предсказывали день, когда сфера интересов США распространится на бассейн Тихого океана. Об этом они говорили, как о близком будущем, а в настоящем требовали от правительства более решительных акций против Испании на Кубе и Филиппинах. Как человек действия, Рузвельт при первой представившейся ему возможности незамедлительно перешел от слов к делу. Свои взгляды, которые он пространно излагал в письмах, в обществе и даже — если удавалось — в Белом доме, он постарался применить на практике, хотя был всего лишь помощником министра.

¹⁸ L. Steffens. The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931, p. 264, 281.

¹⁹ «Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918». Ed. by H. C. Lodge. 2 vols. New York, 1925, vol. I, p. 498.

²⁰ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. I, p. 587—588.

Поскольку Лонг довольно часто отлучался из столицы, предоставляя молодому помощнику полную свободу действий, Рузвельт постарался использовать это обстоятельство. Он издавал инструкции и приказы об усилении вооружения кораблей, о приведении флота в боевую готовность. Он ждал войны с нетерпением и старался убедить Лонга действовать энергичнее, «некоторые меры следует принять сейчас же», — писал он министру в середине января 1898 г. и прилагал развернутый план подготовки кораблей к боевым операциям. Взрыв американского корабля «Мэйн» в Гаване Рузвельт воспринял как сигнал к войне. Он открыто называл себя «джинго» и старался повлиять на президента лично и через третьих лиц, что, впрочем, было совершенно излишне, так как Маккинли, как известно, сам искал повода для объявления войны. 25 февраля 1898 г. Рузвельт, опять в отсутствие Лонга, послал телеграмму адмиралу Дьюи в Гонконг с предписанием подготовить эскадру к встрече с противником, погрузить уголь и в случае объявления войны Испании идти к Филиппинам и блокировать испанскую эскадру на Дальнем Востоке. Рузвельт гордился этим распоряжением и впоследствии, поздравляя Дьюи с победой, не удержался от напоминания, что и он причастен к этой операции ²¹.

После объявления войны 25 апреля 1898 г. ²² Рузвельт не пожелал оставаться в министерстве. Он так настойчиво бомбардировал письмами и просьбами министра, генеральный штаб и президента, что в конце концов получил назначение помощником командира одного из трех кавалерийских полков волонтеров, спешно набиравшихся для высадки на Кубу.

Полк Рузвельта, вскоре получивший в прессе название «лихие наездники», прибыл на Кубу в конце июня 1898 г. и принял участие в боях за Сантьяго. Операции сухопутных американских войск на острове в первые дни развивались не так успешно, как ожидали в Вашингтоне. Солдаты были плохо обучены, командный состав не отличался опытом, не хватало кадровых офицеров, дисциплина — особенно среди добровольцев — нигде не годилась, санитарная служба и даже разведка поставлены из рук вон плохо. И все же поражение Испании было предрешиено. Успешные действия американского флота, разгромившего слабые и плохо вооруженные испанские эскадры в водах Филиппин и Кубы, возместили первые неудачи США на суше.

«Лихие наездники» под командой Рузвельта (в это время он уже стал полковником) отличились при взятии высоты Сан-Хуан на подступах к Сантьяго. Рузвельт лично вел в атаку своих людей. Американцы понесли большие потери, но Рузвельт безмерно гордился победой при Сан-Хуане. Он был полон воинственного азарта и хвастался, хвастался без меры. Наверно, никакие успехи в прошлом и будущем не значили для него так много, как его военные приключения на Кубе. «Герой Сан-Хуана» был весьма разочарован, когда военный министр отказался подписать приказ о награждении полковника Рузвельта за военные заслуги при взятии Сантьяго ²³. Но награда пришла в ином виде. Томас Платт предложил ему баллотироваться в губернаторы штата Нью-Йорк.

Рузвельт отдавал себе отчет в том, что Платт обратился к нему за именованием более популярного кандидата, которого можно было бы противопоставить демократам. Правда, Платт поставил определенные условия. Но для Рузвельта это были уже мелочи, так как после губернаторского дома в Олбани можно было бы подумать о президентстве. И Рузвельт, не колеблясь, поехал на свидание с Платтом, которого он не

²¹ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. I, p. 759—763, 784; vol. II, p. 822.

²² О военных действиях подробно см.: Л. Ю. С л е з к и н. Испано-американская война 1898 г. М., 1956.

²³ Рузвельт был в числе группы высших офицеров, потребовавших после взятия Сантьяго отозвать с Кубы кавалерийские части, охваченные эпидемией желтой лихорадки. Не хватало провианта, возрастала смертность среди раненых и больных. Лично от себя Рузвельт также написал военному министру Олжеру о создавшемся положении. Сообщения эти попали в газеты, президент и министр Олжер были возмущены нарушением дисциплины и «разглашением военной тайны о незавидном положении» американских войск. В результате Олжер отказался подписать приказ о награждении Рузвельта медалью почета. Тем не менее полк «лихих наездников» был отозван и уже 15 августа прибыл в Монтанк-Пойнт, на Лонг-Айленде. — W. H. Harbough. Op. cit., p. 107—108; H. F. Pringle. Op. cit., p. 196—197; «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. II, p. 864—866.

так уж давно называл человеком, «цинично презиравшим порядочность»²⁴. Одновременно с предложением Платта Рузвельт получил еще одно: выдвинуть свою кандидатуру в губернаторы от группы «независимых» республиканцев, продолжавших видеть в нем лидера реформаторов. Не задумываясь, он отверг это предложение.

Рузвельт был избран губернатором. Рабочим в общем было все равно — республиканец или демократ займет резиденцию губернатора в Олбани. Тем же, кто слушал Рузвельта, он казался искренним и доброжелательным, веселым, энергичным и смелым. Речь его часто была сумбурной, но темпераментной, и это привлекало к нему людей. Только, пожалуй, его личным обаянием можно объяснить тот парадокс, что такие реформаторы с прогрессивными взглядами, как Шурц, Чепмен, Стеффенс оставались его друзьями, хотя знали, сколько часто он предавал их, и понимали, что в общем-то доверять ему нельзя. И все же подавляющее большинство «независимых» республиканцев проголосовало за Рузвельта, надеясь, «что он не будет подчиняться диктату партийной машины»²⁵. Частично, как мы увидим дальше, они оказались правы, но только частично.

Итак, на два года Рузвельт стал хозяином штата, но... рядом с ним было законодательное собрание, сенат которого контролировали демократы, а в ассамблее республиканское большинство подчинялось партийной машине. В Вашингтоне же сидел сенатор Платт, без которого, по джентльменскому соглашению перед выборами, Рузвельт не мог ничего предпринимать. Это было сложное положение. С одной стороны, он стремился сохранить лояльные отношения с руководством республиканской партии, с другой — он был убежден в необходимости некоторых реформ по упорядочению администрации, по борьбе с коррупцией и введению каких-то начал социального законодательства. Его трудности усугублялись тем, что сам он по характеру был человек властный, упрямый и не терпящий возражений. На посту губернатора поэтому ему пришлось пройти школу гибкости и терпения, согласовывая с боссом свои дела. «В республиканской организации штата Нью-Йорк, — писал Рузвельт, — сенатор США Платт был абсолютным боссом. За ним стоял «большой бизнес», но в то время это наиболее важное обстоятельство, объясняющее его влияние, не вполне всеми понималось. Я сам разобрался в нем только после того, как был избран губернатором»²⁶.

Контакт нового губернатора с боссом осуществлялся совершенно открыто. Рузвельт не делал тайны из своих еженедельных воскресных поездок в Нью-Йорк на свидание с Платтом, который приезжал туда из Вашингтона. Оба старались сохранить приличные отношения. Тем не менее предлогом для обоюдного неудовольствия оказалось достаточно. Одним из поводов для конфликта был отказ Рузвельта безоговорочно назначать на выгодные должности лиц, рекомендуемых Платтом. Новый губернатор отнюдь не стремился раздавать посты только прогрессивно настроенным республиканцам. Но, как человек умный и имеющий опыт административной работы, Рузвельт старался подбирать людей по деловым качествам, а это не всегда отвечало намерениям Платта, не прощавшего никакого «самовольства».

На посту губернатора Рузвельт попытался претворить в жизнь свои взгляды на роль исполнительной власти. Он считал, что правительство должно регулировать социально-экономические отношения между трудом и капиталом, контролировать деятельность корпораций, осуществлять социальное законодательство. Первыми творцами этой доктрины в Америке были профессор политической экономии Ричард Эли и социолог Лестер Уорд. Однако они не были поняты большинством своего класса, усмотревшим в их идеях радикальные нападки на капиталистический строй. Рузвельт относился к просвещенному меньшинству и был знаком с трудами Эли, Киды и других экономистов и даже пригласил для консультации профессоров Эли и Гантона.

Принятию штатом закона 1899 г. о налоговом обложении привилегий, предоставляемых корпорациям, предшествовала длительная борьба, в которой губернатор Рузвельт, в целом поддерживавший эту меру, сыграл некрасивую роль, пытаясь одновременно служить богу и маммоне, т. е. сохранить верность своим убеждениям и угодить партийному руководству республиканцев. Отказавшись от обещания подписать более

²⁴ H. F. Pringle. Op. cit., p. 169.

²⁵ G. W. Chessman. Governor Theodore Roosevelt. Cambridge (Mass.), 1965, p. 69.

²⁶ T. Roosevelt. An Autobiography. New York, 1946, p. 274.

радикальный билль Форда по этому же вопросу²⁷, ему удалось заставить Платта согласиться на принятие более умеренного билля, который и стал законом 1899 г.

Налог на привилегии, так же как и громкие заявления о социальном законодательстве, отнюдь не означал какого-либо опасного «полевения» Рузвельта. Очень удачно определил позицию губернатора его биограф Г. Ф. Прингл, остроумно отметив, что Рузвельт «стоял близко к центру, показывая зубы консерваторам справа и левым либералам... Он выглядел радикалом, потому что его рычание было таким громким»²⁸. Это громкое «рычание» настораживало консерваторов типа Платта и Маркуса А. Ханна (национального председателя республиканской партии), но не могло внушить доверия рабочим и социалистам.

Позиция Рузвельта по рабочему вопросу была изложена в статье «Как не помочь нашему бедному брату», помещенной в январской книжке «Review of Reviews» 1897 г. В условиях бурно развивающегося капиталистического общества Рузвельт считал неизбежным вмешательство государства во взаимоотношения между предпринимателями и рабочими. «Бедный брат» нуждался в помощи, но не должен был сам добиваться улучшения своего положения. Пропаганда социалистов, которых он называл «демагогами», стремившихся пробудить сознание рабочего класса и призывавших к сплочению пролетариев, в глазах Рузвельта была наитягчайшим грехом и приносила только вред. «Самый худший враг бедного человека,— писал Рузвельт,— это рабочий лидер»²⁹. Рузвельт одобрял президента Кливленда, пославшего войска для подавления стачки в Пульмане, и в подобной ситуации сам встал бы на этот путь. Так, в апреле 1900 г. во время забастовки итальянских рабочих на строительстве плотины в Кротоне дело чуть было не приняло рокового оборота. Шериф с согласия Рузвельта вызвал войска, и две роты национальной гвардии были посланы в район забастовки. Но до кровопролития не дошло. Часть рабочих получила грошовую прибавку, а остальным пришлось примириться и выйти на работу³⁰.

Серьезно обеспокоенный массовым недовольством, Рузвельт настаивал на проведении социальных реформ сверху в целях сглаживания социальных конфликтов и обезвреживания социалистических идей, распространение которых к концу века, по его мнению, приняло угрожающий для существующего порядка размах. Поэтому Рузвельт поддержал несколько рабочих законов, принятых в штате. Наиболее важными среди них были: расширение полномочий и усиление власти фабричной инспекции, регулирование рабочего времени женщин и детей и охрана их труда на предприятиях, восьмичасовой рабочий день на общественных работах, повышение жалованья учителям нью-йоркских городских народных школ и некоторые другие³¹. Рузвельт гордился своим социальным законодательством не меньше, чем проведением налогового обложения привилегий богатей. Правда, он несколько ослабил свое административное влияние, так как в это время главным для него были предстоящие президентские выборы.

Теодор Рузвельт давно мечтал о президентстве. Хотя его популярность, особенно в мелкобуржуазных кругах, была значительной, рассчитывать на место в Белом доме в 1900 г. Рузвельту не приходилось: партийные боссы выдвигали в президенты Маккини на второй срок. К 1900 г. Платт уже был вне себя от самостоятельности Рузвельта и придумывал, куда бы спихнуть не в меру деятельного губернатора. Выход был вскоре найден — Рузвельту предложили внешне блестящий пост вице-президента, но без перспектив на активную политическую деятельность, ибо его функции сводились к председательствованию в сенате и к представительству.

Маркус Ханна пришел в ужас при мысли, что, как он выразился, «этот сумасшедший» в случае смерти Маккини может попасть в Белый дом. Но Платт успешно провёл сложную интригу, и Ханне пришлось согласиться.

Рузвельт, когда стало ясно, что ему уготовано вице-президентство взамен повторного избрания губернатором, впал в ярость. Он угрожал Платту, что отклонит свою кандидатуру на предстоящем съезде. Однако, когда пришел решающий момент и его

²⁷ J. Ford. Mr. Roosevelt's Feet of Clay.— «Current History», August 1931, vol. 5, p. 681.

²⁸ H. E. Pringle. Op. cit., p. 208.

²⁹ T. Roosevelt. American Ideals and Other Essays. New York, 1897, p. 212.

³⁰ G. W. Chessman. Op. cit., p. 221—223.

³¹ H. L. Hürwitz. Op. cit., p. 221.

имя на съезде было названо, Рузвельт промолчал: остаться совсем за бортом, не получив ни губернаторства, ни вице-президентства, было бы еще хуже.

Избирательная кампания 1900 г. проходила в обычной крикливой суете, но без особой остроты. В 1900 г. республиканская партия после удачной войны с Испанией могла заранее рассчитывать на победу, хотя ее кандидат Маккинли — личность довольно тусклая — во многом уступал демократу Брайану, прирожденному оратору, воспользовавшемуся в свое время популистским движением как трамплином для собственной карьеры. При таких обстоятельствах кандидатура Рузвельта в какой-то мере подкрепила Маккинли. Выборы закончились победой республиканцев.

Рузвельт был, действительно, баловнем судьбы. Не прошло и года после выборов, как 6 сентября 1901 г. на Маккинли было совершено покушение. Он умер через несколько дней, и произошло то, чего боялся Маркус Ханна, — этот «сумасшедший» Рузвельт стал президентом Соединенных Штатов.

Т. РУЗВЕЛЬТ — ПРЕЗИДЕНТ

Неожиданная смерть Маккинли была ударом для монополистов и руководства республиканской партии. Твердолобые консерваторы не разделяли взглядов Рузвельта, ориентировавшегося во внутренней политике на частичное государственное регулирование экономики и социальное законодательство. Они причисляли президента к опасным радикалам, но недооценивали ни его способностей к маневренной политике, ни его собственного страха перед рабочим движением, социализмом и даже мелкобуржуазным радикализмом.

В это же время либералы и прогрессивно настроенные интеллигенты (в основном журналисты, например Л. Стеффенс, У. А. Уайт, Д. Ринс и другие) были исполнены радужных надежд, ожидая смелых действий от «первого президента-реформатора». Но эти люди тоже недооценивали его изворотливости и присущего ему глубокого консерватизма. Впоследствии Стеффенс напишет о нем: «Т. Р. [Теодор Рузвельт] был политиканом гораздо больше, чем реформатором»³².

В первые три-четыре месяца после своего прихода в Белый дом Рузвельт был предельно осторожен. Принимая присягу, он сделал официальное заявление о том, что будет продолжать политику Маккинли, и поэтому просил всех членов кабинета остаться на местах и помочь ему в управлении государством. Он тщательно подготовил послание конгрессу по случаю вступления в должность и отправил его на просмотр Ханне, Платту, Олдричу и нескольким бизнесменам и членам кабинета. Рузвельт придавал большое значение этому выступлению, рассматривая его как личную политическую платформу, которая позволит ему обрести твердую почву под ногами, когда придет время бороться за то, чтобы быть «президентом по собственному праву». Стать избранным президентом, а не наследником в Белом доме, такова была его цель. Для этого ему следовало помнить об интересах монополий, которые дадут ему деньги на избирательную кампанию, о требованиях партийных боссов, которые организуют для него эту кампанию, и кое-что обещать простым людям, которые опустят в избирательную урну бюллетени с его именем. Он постарался угодить всем. Недаром многие назвали его послание «коктейлем на любой вкус»³³. «Большой бизнес» и боссы успокоились; правда, президент сказал о необходимости контроля над трестами, но воздал хвалу «капитанам индустрии», создавшим, как он отметил, экономическую мощь страны. Много внимания новый президент уделил внешней политике и в этой связи развитию военно-морского флота. Подчеркнув, что он одобряет захват Филиппин и установление протектората над Кубой и Пуэрто-Рико, Рузвельт заявил, что руководящим началом внешней политики США должна быть доктрина Монро.

Вступив в должность, Рузвельт оказался лицом к лицу со множеством проблем. Политическое положение в стране было беспокойным. Только год назад, перед выборами, закончилась длительная забастовка угольщиков. Тревожные опасения президента вызывало распространение социалистических идей. Социалистическая партия в 1900 г.

³² L. Steffens. Op. cit., p. 506.

³³ H. F. Pringle. Op. cit., p. 245; G. Kolk. Op. cit., p. 66.

выступила на президентских выборах со своим кандидатом — рабочим-социалистом Юджином Дебсом. Ее агитация находила благоприятный отклик. Засилье монополий в экономике и политике вызвало к жизни еще в конце прошлого века антимонополистическое популистское движение, приведшее к образованию Народной партии в 1892 г. Правда, к началу XX в. популистское движение потерпело крах, но и теперь вождь демократов Брайан еще потрясал старым оружием популизма: требованием серебряных денег и обуздания корпораций. Вместе с тем во многих штатах усиливалась борьба за антитрестовское законодательство, за контроль над действием железнодорожных компаний, за очищение правительственного аппарата от коррупции и за демократизацию избирательной системы. Это движение также носило мелкобуржуазный характер, но его участниками в отличие от популизма, связанного с фермерством, были представители интеллигенции и городской мелкой и средней буржуазии. Столкнувшись с широким общественным брожением, когда требование реформ стало настоящей необходимостью, Рузвельт пошел на уступки. Объектом внимания его оказались тресты.

19 февраля 1902 г. правительство возбудило дело против компании «Норзерн секьюритис», обвиняя ее в нарушении антитрестовского закона Шермана. Расследование продолжалось целый год, и в апреле 1903 г. суд вынес решение о роспуске компании. Моргану и Хиллу пришлось разделить предприятие на два, но деление было чисто фиктивным³⁴. Однако широкая публика этого не знала, престиж президента вырос, буржуазные газеты начали именовать его «взрывателем трестов», хотя сам президент был далек от мысли об уничтожении монополий, которые он признавал основой экономической мощи США. Идея Рузвельта заключалась в утверждении прав исполнительной власти на регулирование роста и деятельности корпораций как необходимого условия дальнейшего экономического процветания американского капитализма в целом.

Пропаганду взглядов на регулирование трестов президент взял на себя. В конце лета 1902 г. Рузвельт совершил турне по стране, посетив 10 штатов и выступив в 12 городах. Совершая эту поездку, энергичный президент убивал двух зайцев: подготавливал почву для расширения антитрестовского законодательства, которое он объявил самым действенным средством против развития революции³⁵, и устанавливал контакт с избирателями, имея в виду выборы 1904 г. После такой обработки общественного мнения президент провел через конгресс три антитрестовских закона, оказавшихся в итоге весьма ограниченными. Наиболее существенный из них создавал новое министерство торговли и труда, в составе которого предусматривалось Бюро по делам корпораций, но всего лишь с функциями надзора за корпорациями и сбора информации³⁶. Чтобы провести этот билль, Рузвельт заручился одобрением деловых кругов в обмен на заверение, что новых мер против трестов пока не будет³⁷.

Выполняя это обещание, Рузвельт не допустил принятия радикального антитрестовского билля прогрессиста Литтлфилда, признавая, что предпочитает работать с консерваторами, а не с «радикальными реформаторами». Тем не менее в деловых кругах к некоторым высказываниям и поступкам Рузвельта относились с подозрением, что возмущало президента.

Косность хозяев Уолл-стрита, «совершенно неспособных понять ни настроений страны и ее нужд, ни своих собственных нужд»³⁸, удивляла Рузвельта. В мае 1902 г. началась забастовка углекопов, затянувшаяся на много месяцев, ибо шахтовладельцы стремились не только сломить сопротивление рабочих, но и разгромить профсоюз. Газеты писали о возможности угольного голода с наступлением зимы, и правительство решило выступить посредником.

Рузвельт апеллировал к самому Моргану, послав в Нью-Йорк члена кабинета Рута с поручением уговорить старого финансиста воздействовать на шахтовладель-

³⁴ M. J o s e p h s o n. The Robber Barons. New York, 1934, p. 480.

³⁵ В речи, которую он произнес в Бостоне 25 августа 1902 г., Рузвельт заявил: «Я защищаю действия, которые предупредят революцию». — «President Roosevelt's Speeches Delivered at Hartford, Conn, Providence etc». New York, 1902, p. 17.

³⁶ «Antitrust Laws With Amendments, 1850—1937». Washington, 1962, p. 4—5; «Congressional Record» (далее — CR), vol. 36, pt. 2, p. 2159.

³⁷ G. K o l k o. Op. cit., p. 70.

³⁸ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. III. Cambridge (Mass.), 1951, p. 450, 679.

цев³⁹. Только после этого Морган приехал в Вашингтон для встречи с президентом и согласился передать дело на арбитраж, если рабочие прекратят забастовку. Митчелл, профсоюзный лидер, принял это условие. Комиссия выработала компромиссное соглашение — повышение заработной платы на 10% вместо 20%. Но при этом отказала рабочим в официальном признании объединенного союза углекопов.

Рузвельт принадлежал к числу гибких государственных деятелей, которые в начале XX в. во всех крупных развитых странах взяли курс на социальные реформы. «Реформы *против* революции», — писал В. И. Ленин по этому поводу, — частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти»⁴⁰.

Серьезной проблемой в США президент Рузвельт считал негритянский вопрос. Однако он полагал, что она существует только в южных штатах и тем самым уходил от необходимости рассматривать негров как дискриминируемое национальное меньшинство в составе населения всей страны. За все семь лет пребывания в Белом доме Рузвельт ничего не сделал для улучшения жизни негритянского населения. Правда, он не одобрял суды Линча и даже пригласил однажды на обед в Белый дом негра Букера Вашингтона, руководителя негритянского мелкобуржуазного движения. Однако отклики печати по этому поводу были столь неблагоприятны, что Рузвельт больше никогда не пытался нарушать расистский неписаный статут поведения белого по отношению к негру.

Как глава государства, Рузвельт имел большие возможности для претворения в жизнь своих экспансионистских взглядов. Он не упускал случая высказаться, что будто бы англо-американцы являются высшей расой, призванной указывать путь к цивилизации, управлять «менее приспособленными» народами и в конце концов занять подобающее им первое место среди великих держав. «Я хотел бы видеть Соединенные Штаты господствующей державой на Тихом океане», — писал Рузвельт в 1900 г.⁴¹ При этом он утверждал, что путь империалистических захватов, на который вступила Америка в конце XIX в., отражает якобы прогресс цивилизации, ибо «всякая экспансия великой цивилизационной державы означает победу закона, порядка и справедливости»⁴². На этом основании он оправдывал предательство, совершенное американцами по отношению к филиппинскому народу и его вождю Агинальдо. Раньше он поддержал Маккинли, настаивая на якобы неспособности филиппинцев к самоуправлению, требуя организации на островах американской администрации и подавления национально-освободительного движения. С сентября 1901 г., заняв место Маккинли, Рузвельт смог лично заняться филиппинским вопросом. Убеденный в праве США огнем и мечом расправляться с филиппинскими повстанцами, Рузвельт в частном письме к германскому дипломату фон Штернбургу писал: «Я позаботился, чтобы армия понимала, что я вполне одобряю суровые методы, когда они необходимы, и что я несколько не чувствителен к убийству какого-то числа людей, если имеется соответствующая необходимость. Но я не люблю пыток и ненужной жестокости»⁴³. Порабощение филиппинского народа было юридически закреплено правительством Рузвельта в июле 1902 г. актом Купера, навязавшим филиппинцам «Органический закон» о создании филиппинской администрации под строгим диктатом США.

Внешнеполитический курс Рузвельта, как курс империалистической экспансии, стал ясен с первых месяцев его пребывания в Белом доме. Выдвинув в первом же послании конгрессу доктрину Монро в качестве краеугольного камня внешней политики страны, Рузвельт сумел превратить ее в орудие порабощения стран Американского континента под предлогом охраны порядка и насаждения законности и цивилизации. Энергия и настойчивость, проявленные президентом для достижения этой цели, не знали границ и поражали даже некоторых из его старых друзей, разделявших экспансионистские убеждения президента. «Власть, направляемая патологической энергией,

³⁹ G. E. Mowry. The Era of Theodore Roosevelt, 1900—1912, p. 139.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 305.

⁴¹ H. K. Beale. Op. cit., p. 50.

⁴² Цит. по кн.: D. H. Burton. Theodore Roosevelt: Confident Imperialist. Philadelphia, 1968, p. 68.

⁴³ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. III, p. 298.

является серьезнейшим фактом, а все друзья Рузвельта знают, что его беспокойная и воинственная энергия была более чем ненормальна»⁴⁴. Так писал о нем историк Генри Адамс, в доме которого каких-нибудь пять — восемь лет назад собирался кружок интеллектуалов, обсуждавших возможности США стать вровень с мировым колониальным гегемоном Англией, а может быть, и перегнать ее. В этом кружке Теодор был младшим; он много почерпнул из бесед и книг Брукса Адамса, третьего из братьев, получившего известность как теоретик геополитики, и сочинений адмирала Мэхэна, поразивших его воображение идеей о роли и влиянии морской силы на историю. Флот, могущественный флот — вот чем должна владеть Америка, если она не хочет плестись в хвосте истории! В Чикаго в апреле 1899 г. он говорил: «Армия и флот — это меч и щит, которые нация должна нести, если ей приходится выполнять свой долг среди народов земли»⁴⁵. Теперь в роли президента Рузвельт мог не только говорить, но и действовать и, написав на своем щите с одной стороны «реформа», а с другой — «экспансия», он без оглядки ринулся в авантюру колониальной политики.

Было два направления американской экспансии: Дальний Восток и близлежащие страны Латинской Америки. В Азии позиции США были еще слабы. Там не могло быть и речи ни о чем, кроме поддержки доктрины «открытых дверей». В Западном полушарии — дело другое. Здесь можно было подумать о вытеснении европейских держав. В декабре 1904 г. в очередном послании конгрессу Рузвельт сформулировал новое толкование доктрины Монро, сделав вывод, что Соединенные Штаты являются единственной державой, которая имеет право «наблюдать за порядком» на всем Американском континенте в качестве «международной полицейской силы»⁴⁶. Другими словами, Рузвельт угрожал южным соседям по континенту вмешательством в их внутренние дела, если в этом будут заинтересованы правящие круги США. «Говори сдержанно, но держи большую дубинку, и ты пойдешь далеко», — это изречение, пущенное в оборот Рузвельтом, стало лозунгом его внешней политики. В подходящий момент «большая дубинка» пускалась в ход. Так было не один раз. В 1902 г. Рузвельт вмешался во второй венесуэльский конфликт, заставив Англию, Италию и Германию фактически признать права США, как полицейской силы Западного полушария⁴⁷. В 1903 г. президент США вынудил Кубу согласиться с пресловутой «поправкой Платта» (принята американским конгрессом в 1901 г.), на основании которой США получали право на интервенцию и оккупацию острова. Едва освободившись от испанского гнета, Куба превратилась в американскую полуколонию, чем в первую очередь воспользовались крупные монополии США. За годы президентства Т. Рузвельта (с 1902 до 1909 г.) американские капиталовложения на Кубе возросли с 30 млрд. долл до 200 млрд.⁴⁸. Но венцом империалистических деяний Рузвельта, которым он, кстати, всегда гордился, был, конечно, захват территории Панамского перешейка для постройки межокеанского канала.

«Я взял зону канала и предоставил конгрессу дебатировать этот вопрос... а пока шли дебаты, шло и строительство канала»⁴⁹. Эта фраза, произнесенная Рузвельтом в 1911 г., точно выражает роль президента в панамской эпопее, завершившей полувековые переговоры с Англией о постройке канала. Рузвельт давно мечтал прибрать Панамский перешеек к рукам, но на пути неизменно стояла Англия. Такая возможность представилась в начале XX в., когда Англия, увязшая в войне с бурами, пошла на уступки и новый договор Хэя — Паунсефота 1901 г., подписанный в ноябре уже Рузвельтом, практически делал США единственной страной, ответственной за строительство канала и его охрану.

Было два варианта постройки канала: через территорию Колумбии, где уже были начаты работы печально знаменитой Панамской компанией, и через территорию Никарагуа. В том и другом случае было необходимо соглашение об аренде. Пока в конгрессе шли дебаты, какой вариант принять, президент сетовал на то, что канал не станет собственностью США, так как территория будет взята всего лишь в аренду. «Почему

⁴⁴ H. Adams. The Education of Henry Adams. Cambridge (Mass.), 1961, p. 417.

⁴⁵ T. Roosevelt. The Strenuous Life. London, 1903, p. 15—16.

⁴⁶ CR, vol. 39, pt. I, 1904, p. 19.

⁴⁷ Подробнее см.: Л. Н. Зубок. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969, стр. 71—74.

⁴⁸ L. H. Jenks. Our Cuban Colony. New York, 1928, p. 162—163.

⁴⁹ H. F. Pringle. Op. cit., p. 330.

не можем мы просто купить Панамский перешеек вместо того, чтобы арендовать его у Колумбии? — писал он Хью. — Мне кажется, это будет прекрасная штука»⁵⁰.

Зная о сепаратистском движении в районе будущего строительства канала, правительство США решило оказать ему тайную поддержку⁵¹. В ноябре 1903 г. после переворота Панама объявила себя независимой, а Рузвельт с неприличной быстротой признал новое государство. Двух недель не прошло, как был подписан в Вашингтоне договор, передававший в вечное пользование США зону канала шириной в 10 миль. В качестве компенсации Панама получила всего 10 млн. долл. единовременно и 250 тыс. долл. ежегодно через девять лет после ратификации договора.

Независимость Панамы оказалась призрачной. Под защитой своего правительства американские монополии не замедлили протянуть руки к естественным богатствам новой маленькой республики. Правительству Панамы оставалось только подчиниться, так как конституция Панамской Республики, навязанная ей США в феврале 1904 г., давала право США применять силу «для поддержания порядка» на перешейке⁵².

В истории с Панамой Рузвельт старался держать себя с предельной осторожностью. Но его причастность к ней не вызывает сомнений. Позднее он не отказал себе в удовольствии публично похвастаться захватом зоны канала и в автобиографии признался: «Я захватил Панаму, не советуясь со своим кабинетом»⁵³. Сенат, хотя и не без некоторых проволочек, ратифицировал договор с Панамой уже в феврале 1904 г. Последнее обстоятельство имело для Рузвельта особое значение, ибо страна стояла накануне новых президентских выборов. По неписаной традиции кандидатура президента обычно выставляется на второй срок, Рузвельт тем не менее чувствовал себя очень неуверенно. Своим главным противником и даже соперником президент считал Марка Ханну, так как прошел слух, что старый сенатор, «делавший президентов», не прочь сам войти в Белый дом. Такой претендент был сильнее Рузвельта: Ханну поддерживали бы и «столпы партии» (ведь он был главой национального комитета республиканцев) и промышленно-финансовые круги.

Временами Теодор Рузвельт впадал в отчаяние, что вообще было ему несвойственно. «У меня нет ни партийной машины, ни фракции, ни денег», — мрачно сказал он однажды весной 1903 г.⁵⁴ Не рассчитывая на поддержку партийной машины и бизнеса, Рузвельт решил обратиться к массам. Он много ездил по стране, выступая с речами в сотнях больших и малых городов. Его встречали овациями, но он понимал, что аплодисменты фермеров и лавочников еще не дадут ему победы. Неизвестно, как повернулись бы события осенью 1904 г., если бы Ханна остался жив. В феврале 1904 г. он скончался от тифа, и Рузвельт оказался единственным кандидатом республиканцев. В ноябре 1904 г. он стал президентом, избранным огромным большинством голосов. Такой удачи он не ожидал. Возбужденный победой, принимая поздравления (Рузвельт находился в этот день с семьей в своем загородном доме Сагамор-хилл), он сделал заявление, которое некоторые его биографы считают грубой ошибкой. Он сказал: «Ни при каких обстоятельствах я никогда не стану кандидатом и не приму выдвижение еще раз»⁵⁵. Об этом заявлении ему впоследствии пришлось пожалеть...

В роли президента Рузвельту приходилось не только много работать, но и тратить время на представительство, встречаться со многими людьми. В Белом доме постоянно были приглашенные к ленчу и к обеду. Кажется, со стороны президента последнее обстоятельство было не только выражением гостеприимства в одних случаях и официального долга — в других, но и потребностью всегда иметь слушателей: Рузвельт любил говорить. Беседа с ним большей частью превращалась в монолог президента. Линкольн Стеффенс не без юмора рассказывал, что он предпочитал приходить в Белый дом с визитом в час, когда парикмахер брил Рузвельта. Тогда волей-неволей тому приходилось кое-что и выслушивать⁵⁶.

⁵⁰ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. III, p. 318.

⁵¹ Х. Карпентер Чека. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960, стр. 431—432.

⁵² С. А. Гонионский. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, стр. 287.

⁵³ T. Roosevelt. An Autobiography, p. 548.

⁵⁴ H. F. Pringle. Op. cit., p. 339.

⁵⁵ W. H. Harbaugh. Op. cit., p. 224.

⁵⁶ L. Steffens. Op. cit., p. 509—510.

Эдит Рузвельт, его жене, пришлось выполнять обязанности первой леди государства ⁵⁷. Она была умна и образованна, считалась среди друзей знатоком Шекспира, любила поэзию и музыку, устраивала музыкальные и танцевальные вечера, была прекрасной хозяйкой, а также разбиралась в общественных делах, но не стремилась навязывать президенту свое мнение. Для Рузвельта она всегда была идеалом «американской женщины», как он любил выражаться, жены и матери, хотя некоторые неровности ее характера приводили его иногда в тупик. Острая на язык, Эдит умела одним резким словом осадить своего увлекающегося и хвастливого супруга.

Рузвельт любил афишировать, что больше всего в жизни ценит семейные радости ⁵⁸. Он внимательно следил за воспитанием своих шестерых детей, стремился внушить им, особенно сыновьям, дух индивидуализма, предприимчивость, верность американским институтам. Большое внимание уделялось в семье физическому воспитанию и тренировке воли. Здесь он был даже беспощаден. «Я предпочел бы, чтобы один из них умер, чем вырастить их слабыми», — сказал Рузвельт однажды ⁵⁹. Это не было пустой фразой. Ему свойственна была большая жесткость, даже жестокость, проявлявшаяся и в отношениях с самыми близкими людьми. Он отказался, например, встречаться с братом Эллиотом, которого когда-то очень любил, так как тот после смерти жены опустил и начал пить. Брат умер от алкоголизма в 1892 г. В глазах Теодора эта слабость была недостойна мужчины.

Рузвельт довольно быстро сближался с нужными ему людьми. Это качество было результатом длительного опыта. Даже враги не могли отрицать, что он умеет быть обаятельным. Этикет официальных приемов тяготил Рузвельта. Визит принца Генриха (брата кайзера) в 1902 г. вызвал оживленную переписку Рузвельта с государственным секретарем Хэем и другими чиновниками по поводу мелочей этикета, раздражавших президента: как устраивать прием, кого приглашать, где сидеть принцу и т. д. Между прочим, Рузвельт запретил в обращении к нему употреблять титул «ваше превосходительство», считая его глупым и даже умалющим достоинство его страны. Он предложил простую форму обращения: «господин президент» или «сэр» ⁶⁰. Это распоряжение импонировало его почитателям, как проявление «американского демократизма».

Несмотря на многочисленные государственные обязанности, перегрузку делами, Рузвельт вел обширную переписку с самыми различными людьми, довольно регулярно писал статьи для журналов, сам готовил многочисленные и пространные выступления. Лучшим отдыхом президент считал игру в теннис, охоту, прогулки верхом или пешком. Сам он был очень вынослив, и ему доставляло огромное удовольствие пригласить на прогулку дежурного молодого офицера или даже приехавшего с визитом дипломата и довести своего спутника до изнеможения, заставив вместе с собой быстрым шагом продираться через заросли, переходить вброд ручьи и карабкаться по склонам Рок-Крик-парка, который в ту пору не был таким благоустроенным и асфальтированным, как ныне. Даже принца Генриха Рузвельт утащил на «первоклассную двухчасовую прогулку верхом, проходившую под дождем» ⁶¹, и был в восторге, что заставил того вымокнуть.

Сам Рузвельт умел находить удовольствие и даже радость при любых обстоятельствах, в мелочах жизни и в «больших приключениях». Линкольн Стеффенс, близко знавший его в течение многих лет, писал об этом человеке: «Даром богов Теодору Рузвельту была радость, радость жизни» ⁶². Но величайшей радостью было для него стать президентом, а в 1904 г. быть избранным «по собственному праву». Он признавался в письме к сыну Кермиту через три дня после выборов, что это был день его величайшего триумфа ⁶³. Рузвельт чувствовал себя человеком, получившим все, чего добивался, и впереди были четыре года власти, возможности выполнения замыслов, от отсутствия которых он никогда не страдал. Его честолюбие и властолюбие были удовлетворены.

Окончание следует

⁵⁷ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. III, p. 392.

⁵⁸ T. Roosevelt. An Autobiography, p. 347.

⁵⁹ W. H. Harbaugh. Op. cit., p. 142.

⁶⁰ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. IV, p. 915; H. K. Beale. Op. cit., p. 23.

⁶¹ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. III, p. 239.

⁶² L. Steffens. Op. cit., p. 502.

⁶³ «The Letters of Theodore Roosevelt», vol. III, p. 392.